

Алька. второе
пришествие
Алек Рейн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алек Рейн

Алька. Второе пришествие

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рейн А. В.

Алька. Второе пришествие / А. В. Рейн — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В книге повествуется, как герой произведения, инженер, научный работник, преподаватель известного советского вуза ищет своё место в жизни. Через какие испытания приходится пройти ему, чтобы отстаивать свои взгляды, свой путь. Как меняется он, его жизнь и жизнь его друзей в бурные девяностые. Автор рассказывает, что происходило в те годы с людьми, полагавшими всю свою жизнь посвятить инженерной и научной деятельности. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Алек Рейн

Алька. Второе пришествие

Не зря меня терзали смутные сомнения – директор мой новоприобретённый кинул меня ещё до начала моей деятельности. Когда я в первый свой рабочий день в конторе с диким названием «ПКТИТП» вошёл в директорский кабинет, его владелец – Лаба́зов Властимир Петрович, состроив грустную мину на своей продуманной физиономии, заявил:

– Извиняй, но министерство не пропустило твою кандидатуру на начальника отдела, говорят, суки, мол, беспартийный, то... сё... Пока могу тебя только заведующим сектором взять, но ты не переживай, месяц-другой, всё устаканится, и мы тебя пропрём на должность. В этом будь спокоен.

И в самом деле, чего беспокоиться – обманул ещё до порога и высматривает хитрыми зенками, как яотреагирую. А как тут реагировать? Понимает паскудник, что в угол меня загнал – возвращаться западло, оставаться и работать под началом такого прохиндея – тоже то ещё удовольствие, но делать было нечего, и я ответил:

– Ну что ж делать, поработаем.

Властюша оживился:

– Ну и ладненько, сейчас с главным инженером поедешь в свой отдел, они сидят не в нашем здании.

В кабинет директора вошёл главный инженер – Шалыгин Юрий Иванович, мы поздоровались, вышли вдвоём из здания, прошли пешком по Лесной до улицы Горького, сели в троллейбус и покатали к месту моей работы. Отдел, в котором мне предстояло трудиться, располагался в Брюсовом переулке, минутах в десяти езды от основного здания.

Зайдя во двор старинного серого здания, мы вошли в подъезд, спустились по ступенькам – отдел располагался в полуподвале, и вошли в помещение с изрядно обшарпанными стенами. Прошли по пустому коридору, Юра завёл меня в пустой кабинет, сказав:

– Подожди здесь, – куда-то исчез.

Я стоял, оглядываясь: двухтумбовый стол, стоящий в кабинете, шкаф, какой-то самодельный деревянный стеллаж, подоконник и всё свободное пространство пола были завалены какой-то рухлядью, бесчисленным количеством папок, набитых бумагами, пожелтевшими рулонами чертежей, каким-то немислимым тряпьём и ещё чёрт знает чем.

Потихоньку комната стала заполняться людьми, которые с любопытством разглядывали меня, последним вошёл мужик невысокого роста, у которого один башмак был перевязан верёвкой, поскольку его подошва была практически полностью оторвана.

Я стоял, смотрел своих новых коллег, признаться, их вид меня изрядно удивил. Мне немало приходилось работать и бывать примерно в таких же коллективах, но такую затёртую, зашарпанную, неряшливо одетую публику, трудящуюся в конструкторско-технологическом отделе я видел впервые. Вспоминая вечером эту встречу, я не мог воскресить в памяти, сколько в отделе мужчин и женщин, все были какие-то бесполое, а в отделе работали практически одни бабы и было четыре мужика – отсутствующий начальник Акимов, зав. технологическим сектором Юра Дубинин, зав. конструкторским Виктор Иванов и Женя Зуев. Но у всех моих коллег был какой-то безнадежный, замыленный, равнодушный взгляд, какой, наверно, бывает у заключённых, много лет находящихся вместе в одной тюремной камере и не ожидающих скорого выхода на волю. Мне стало понятно, почему директор на мою просьбу посмотреть, с какими людьми мне придётся трудиться, ответил:

– Ну что там увидишь? Стоят люди за кульманами, чертят что-то, технологи пишут. А начальник отдела поймёт, что я под него копаю, давай без этого.

Он точно меня просчитал – если бы я увидел, в каком коллективе мне придётся трудиться, я бы точно отказался от перехода в это учреждение.

Протиснувшись сквозь толпу, главинж обратился к работникам отдела:

– Представляю вам вашего коллегу, это Рейн Алик Владимирович, он с сегодняшнего дня будет трудиться в вашем отделе на должности заведующего сектором, вопросы есть?

Мужик в ботинке с оторванной подошвой произнёс:

– А каким сектором руководить будет?

Шалыгин ответил:

– Не беспокойся Юра, не твоим. Будет создан новый сектор малоотходных технологий.

Кто-то произнёс:

– А пусть о себе расскажет.

Юрий Иванович повернулся ко мне:

– Алек Владимирович, расскажите коллегам о себе.

– Конечно. Зовут меня Алек, мне тридцать семь лет, я окончил МВТУ имени Баумана, кандидат технических наук. В разное время работал конструктором штамповой оснастки, средств механизации, занимался научной деятельностью в области создания и деформирования транспирационных композитов. Пожалуй, всё, остальное в работе.

Главинж дополнил:

– Ну в целом, я думаю, всё всем понятно, остальное, как Алек Владимирович сказал, – остальное в работе. Юр, ты подыщи Алеку Владимировичу местечко свободное.

– Найдём.

Шалыгин, распрощавшись, ушёл, а мы с Юрой, тем самым мужиком в ботинке с оторванной подошвой, пошли искать мне место. В отделе было два сектора – конструкторский, занимающийся проектированием штампов, и технологический, разрабатывающий технологии штамповки, занимал отдел четыре или пять комнатушек, работало в нём, на момент моего появления, человек семнадцать. В одной из таких комнатёнок конструкторского сектора, которым заведовал Юра, нашлось мне местечко. Чтобы втиснуть меня, пришлось раздвинуть два стоящих рядом кульмана, место было совсем никакое – тесновато, мало света, колченогий стул, впрочем, он в аккурат был под стать столу, увы, других не нашлось. Однако, дело житейское, привёл в порядок письменный столик – выкинул всё, что было на нём и в нём, сел и понял, что больше мне здесь делать нечего. Встал, сообщил Юре, что если меня будут искать, то я на выставке новых технологий и оборудования в Сокольниках.

На выставке встретил своего вузовского однокашника Володьку Рожкова, потрепались, вспомнили молодость, техникум, потом разбежались. Ходил, смотрел новые технологии, оборудование и неожиданно наткнулся на директора, который в компании главного инженера тоже болтался между забугорных экспонатов. Увидев меня, он с удивлением спросил:

– А чего ты здесь делаешь?

– Да то же, что и вы, Властимир Петрович, – слюну глотаю, глядя на чужие успехи. Ну вы правильно поступили, что отдел мне не показывали, народец там, как я поглядел, подобрался – явно к переменам не готовый.

Начальник мой новый скорчил физиономию и ответил мне, скривившись:

– А там, где всё хорошо, никто не нужен.

Мы распрощались, и я пошёл, размышляя – а ведь прав подлец, то, что меня кинул, это, конечно, запахло, но ситуационно прав – чего я ждал? Толпу блестящих специалистов в смокингах, терпеливо топящихся меня у входа, в ожидании, когда я появлюсь на пороге и поведу их к сияющим вершинам? Всё, в общем-то, вполне закономерно.

На следующий день я задумался – а чем мне, собственно, заняться на своей новой работе. Может быть, сесть за доску и начать проектировать штампы, или писать техпроцессы? Зашёл к конструкторам и технологам, посмотрел, чем они занимаются, – несложные однопозицион-

ные штампы и техпроцессы того же уровня, такие я проектировал в начале своей конструкторской карьеры семнадцать лет назад. Конструктивно и технологически я готов клепать это хоть сейчас, вопросов никаких не будет, надо будет немного разобраться с новыми обозначениями допусков, посадок, оформлением – немного поменялись стандарты, но нужно ли мне это? Подумал и решил – не буду, а то директор решит, что я прогнулся. Поехал в нашу базовую контору на Лесную и взял приказы по министерству за предыдущий год, решил понять, – а каков уровень принятия решений в Минживмаше в целом? Сидел, просматривал, дошёл до приказа, предписывающего разработать и изготовить установку измельчения и сушки грубых кормов для скота лучами лазера. Стало повеселее, и с уровнем всё понятно – молодцы ребята, и про лазер даже знают, так держать.

Изрядно помогал мне в заполнении моего рабочего времени сосед по комнате – Женя Зуев, знающий историю Брюсова переулка, как свою родовую книгу, он рассказывал мне про графа А. Р. Брюса – племянника и наследника Я. В. Брюса., про их усадьбу, которая находилась во владении Брюсов почти сто лет, про известных артистов – Голованова, Козловского, Максакова, Обухова, Качалова, Мейерхольда – и массу других, проживающих там когда-то, про балерин Гельцер, Кригер, Семёнову, причём рассказывал так, как будто он знал всех лично и бывал у них в гостях. Про палаты XVII века Арасланова, городскую усадьбу Сумарокова – Голицына, Англиканскую церковь св. Андрея. Историю жилого дома артистов Большого театра архитектора Щусева – мне кажется, просидев несколько месяцев с этим рослым, полноватым технологом в одной комнате, наконец что-то узнал новое для себя о городе, в котором я родился и прожил почти сорок лет.

Позвонил главный инженер:

– Алек Владимирович, тебе надо скатать в командировку, начальник отдела технического перевооружения – Арнольд Карлович Титов, со своими ГИПами едет. Прокатись с ними, всё равно тебе пока делать нечего, развеешься, завод посмотришь, тебе придётся потом с ними работать.

– Не вопрос, скатаю.

Я поехал на Лесную, выписал командировку, зашёл к Титову – познакомились, договорились встретиться прямо в аэропорту, в центре зала, в день отлёта.

В день отлёта ни Титова, ни его коллег я в аэропорту не встретил, поболтавшись по аэропорту и простояв без толку у стойки регистрации, вернулся на работу, сообщив Шалыгину, что в аэропорту мы не нашли друг друга. Главинж весьма был недоволен этим обстоятельством и, явно решив, что я просто манкирую его распоряжениями, бросил трубку. На следующий день, заехав на Лесную, я зашёл в кабинет главинжа:

– Здравствуйте, Юрий Выныч! А, что мне с билетом неиспользованным делать? Как перед бухгалтерией отчитаться?

Шалыгин посмотрел на меня с неподдельным удивлением, взял в руки билет, изучив его, сказал:

– А делать будем вот что.

Он достал из ящика письменного стола лист бумаги, прилепил к нему авиабилет, густо смазав его канцелярским клеем, написал внизу: «Оплатить», и расписался. Протянув мне листок с билетом, сказал:

– Возьмёшь лист бумаги, наклеишь командировку, внизу напиши объяснение и сдай всё в бухгалтерию. Так как получилось-то, что вы не встретились в аэропорту?

– Да кто её знает – не нашёл. А они-то на заводе? Всё в порядке?

– Да хрен их поймёшь, на заводе вроде появились, но на связь не выходят. Где они, не пойму, забухали, что ли? Ладно, разберёмся. Ты сам-то чем занимаешься?

– Да ничем, рассказы слушаю про историю Москвы.

– Ладно, зайди к моему заму, он тебе придумает занятие, ну давай, будь.

Сдав в бухгалтерию отчёт по несостоявшейся командировке, я направился в кабинет к Рыжову Игорю Николаевичу, заму главинжа. Как оказалось, он был мужиком весьма неглупым, не был глубоким специалистом ни в одной из машиностроительных технологий, но весьма верно понимал направление их развития, доверял мнению специалистов, в целом был незлобив, мы с ним сотрудничали всё время, пока я трудился в ПКТИТПе весьма плодотворно.

Рыжов встретил меня радостной улыбкой.

– Алек Владимирович, давно хотел с вами пообщаться. Ну как вам у нас?

– Да никак.

– А чего так?

– Вы в курсе наверняка.

– Ну это дело мы поправим, но давай как-то потихонечку вместе двигаться к цели.

– Это каким образом?

– Ну для начала позволь поинтересоваться, как тебе отдел показался?

– Просто беда.

– А в чём конкретно?

– Да во всём, помещение – как будто для хранения использованной ветоши, народ под стать – какие-то все как мешком прибитые, тематика отдела меня повеселила – я такую оснастку двадцать лет назад рисовал будучи техником-конструктором, а так всё здорово.

– Так для этого тебя и пригласили, чтобы ты порядок навёл.

– Ага, я так и понял. А как наводить, из-за спины начальника? Или навести и тихо смылиться?

– Ну тебе же Властимир Петрович объяснил, создавшуюся ситуацию, чего уж теперь. Давай работать начинай, сам понимаешь, что-то делать всё равно надо. Вот ты скажи, если бы ты был начальником отдела, с чего бы ты начал?

– Для начала я бы притащил пяток ребят конструкторов и технологов, чтобы было на кого опереться. Потом присмотрелся бы к сотрудникам, возможно, кого-нибудь бы и вычистил, но это не обязательно – если создать сильное конструкторско-технологическое ядро, то кого-то можно будет подтянуть, кто-то сгодится на детализовке и простеньких техпроцессах. А вот с изменением направления работы отдела быстро не выйдет, пока продолжал бы то, что есть, а сам поездил бы по заводам, поискал, поговорил, какие-нибудь мысли бы в голову пришли, я так думаю.

– Ну вот давай начинай потихонечку – начни с ребят.

– Не вопрос, но если меня кинут, то я уйду вместе с пацанами, вот тогда у вас вся работа в отделе точно встанет.

– Всё будет в порядке, это я тебе точно говорю, начинай смело. У меня к тебе просьба есть. Наш отраслевой головной институт – РОСНИИТМ, разработал какие-то рекомендации по стимулированию производительности труда, или чего-то там ещё. Наши экономисты смотрели, всё вроде понятно, но детально не разбирались, что там и как. Вот тебе брошюра. – При этих словах он, покопавшись, извлёк из стопки бумаг на столе пухлую книжицу формата А5. – Возьми, покопайся, попробуй, может, получится что-то дельное для конструкторско-технологических отделов слепить.

– А я что, экономист, что ли?

– Понимаешь, какая штука, экономисты эти, бывает, вроде бы дельные штуки пишут, но как их конкретно применить, не всегда сами понимают, а нам их понять тоже непросто, да и времени на них нет. А сейчас распоряжение по министерству, надо внедрять. Так вот, смотри, у тебя времени сейчас жопой жуй, посиди почитай, что они понаписали, и попробуй написать рекомендации для отделов типа твоего и вообще для конструкторских, получится хорошо, ну а если не выйдет, тоже не беда.

Надо сказать, что я даже обрадовался его предложению, – рассказы Жени Зуева были хороши, но стали приедаться.

Прочитав методичку РОСНИИТМа, решил, что прежде, чем писать что-то, надо «прожевать» изложенное мозгами, и, отложив в сторону написание методички, стал размышлять, с чего начать поиск новых кадров.

Не знаю, почему, но первым делом я поехал в ВПТИ тяжмаш, в отдел, где я впервые встал к кульману, наверно, захотелось на секундочку стать снова тем двадцатилетним парнем, который, распрощавшись со своей слесарной юностью, пытаюсь освоить проектирование технологической оснастки, пришпандорил к своему первому штампу пружины возвратного хода. Когда миновал проходную завода «Металлист», понял, что чувствую те же подъём и волнение. Всё поменялось, отдел, в котором я работал, переместился в новое здание, построенное на месте волейбольной площадки, где мы отрывались с Сашкой Ефановым, свалив потихоньку из отдела. Начальник мой бывший стал директором института, из друзей и коллег в отделе остались только Соня и Серёга Иванов. Поговорили, Сергей стал заведующим сектором и менять ничего в своей жизни не собирался, Соня тоже чувствовала себя комфортно, но указала мне на одного парня, толкового конструктора, не очень довольного своей зарплатой. Володя Сафонов, так звали этого парня, согласился перейти на работу конструктором первой категории, где-то через месяц он уже стоял за доской в Брюсовом переулке.

Потом я поехал в НИИТавтопром, вполз змей тихой сапой, мол, ничего не делаю, зашёл, скучая, повидаться, почеломкаться, потрепаться. И в самом деле, увидел всех, с кем трудился, поговорил и потихоньку уволок Андрюху Семизорова, которого помнил по работе техником в группе Линькова, Андрей стал приличным конструктором за эти годы.

Непосредственный начальник мой – Акимов Владимир Николаевич, мужик был не злобный, внимания никакого на меня не обращал – так, здоровались, если увидимся, что, впрочем, случалось нечасто. Появление тридцатилетних парней в отделе его обрадовало, и хотя он явно понимал, что неспроста сижу я, ни хрена не делая в его отделе, тем не менее говорил мне:

– Алек Владимирович! Очень хороших ребят привели, если у вас такая возможность будет, то давайте ещё – примем всех.

С Юрой Дубининым, заведующим конструкторского сектора, я иногда от безделья ходил покурить. Происходило это так: летом в комнате конструкторов всегда было настежь открыто окно – у окна стоял письменный стол, рядом табуретка. Юра вставал на табуретку, с неё шагал на стол, далее на подоконник, затем, слегка нагнувшись, выходил в неглубокий приямок и оттуда прямо во двор. Я следовал за ним, мы доходили до скамейки, стоящей невдалеке, сидели, закуривали, разговаривали. Во время нашего первого перекура я поинтересовался:

– Юр, что ты ходишь в башмаке с оторванной подошвой, как бомжара, неужто ты не можешь позволить себе какие-то простенькие ботинки.

Он с удивлением взглянул на меня:

– Так меня здесь никто не видит.

– А подчинённые твои, коллеги, да уважение к самому себе у тебя, в конце концов, есть?

Юра ничего не ответил, но на следующий день он появился на работе в весьма приличных туфлях.

Однажды Юра, изрядно поддав, водился за ним такой грешок, пригласил меня перекурить, завёл какой-то туманный разговор о том, что я многого не знаю и не понимаю, смысла которого я не смог понять, и спросил его:

– Не пойму тебя, что ты мне сказать хочешь.

Юра ухмыльнулся, откинулся на спинку скамейки, взглянул на меня искоса и произнёс:

– Не выйдет у тебя ничего.

Вот тут я понял, почему он петлял вокруг и около.

– Это не только у меня не выйдет, у кого-то, кто повыше.

– А есть кто-то и их повыше.

– Не шибко огорчусь, если б мне показали пораньше то, куда я попал, вряд ли мы с тобой бы беседовали.

Мы разошлись, размышляя о том, что каждый имел в виду.

Надо сказать, с появлением в коллективе двух молодых тридцатилетних парней в дамской его части тоже стали происходить перемены; к моему удивлению, оказалось, что у нас работает несколько молодых и вполне приглядных женщин. Ума не приложу, где они были до этого, где прятались?

Шалыгин сообщил, что мне пора ехать в командировку, и снова с Титовым. На этот раз, чтобы не было осечки, мы детально договорились с Арнольдом и добрались до места без приключений. Кроме нас с Титовым, было ещё двое – ГИПы из его отдела. Утром, по приходе на завод, меня сразу взяли в оборот – Титов попросил помочь заводскому персоналу разобраться с какой-то проблемой и представил меня цеховому технологу:

– Вот, Николай, знакомься, это Алек Владимирович, кандидат наук по штамповке, он вам поможет все проблемы решить.

Мы отошли в сторону, присели к письменному столу.

– Ну что, Николай, давай рассказывай, что у вас не так.

– Да у нас при гибке косынка трещит, причём через раз, то нормально, то трещина.

– Показывай чертёж.

Николай развернул чертёж, на котором была изображена косынка из ст.3 – углеродистой конструкционной стали обыкновенного качества, согнутая под угол девяносто градусов. Толщина косынки была шестнадцать миллиметров, и гнулась она на такой же радиус.

– Должна гнуться, немного близко к пределу – радиусгиба равен толщине, но не критично, должна гнуться. Если все трещат, значит, сталь не соответствует нормативу, но это в заводской лаборатории определим на раз.

– Да нет, не все. Часть трескается, а часть нормально.

– Чудны дела твои, господи, а ваши ещё чуднее. Давай так – у вас в цехе кромкогиб есть?

– Есть.

– Ты поставь на него шестнадцатимиллиметровый пуансон и нарежь заготовок небольших, будем гнуть с тобой. Ты когда сможешь?

– Через полчаса.

– Вот через тридцать минут и подойду.

– Сами найдёте?

– А что, у вас много кромкогибов?

– Два, но они рядом стоят.

– Ну вот видишь, рядом, аж два стоят, ну уж тогда точно найду.

Я пошёл к своим мужикам, обсудили планы на вечер, потом я походил по листоштамповочному цеху и через полчаса был уже около кромкогиба (листогибочного пресса), Николай был уже на месте.

– Ну что, Колян, приступим.

Я взял заготовку положил её на матрицу, нажал на пусковую кнопку, деталь отштамповалась без растрескивания.

– Ну вот, вроде всё нормально.

– Да у нас тоже часть нормально штампуются, давайте ещё.

Мы отштамповали ещё два образца – Николай, стоявший от меня на расстоянии около полутора метров, тоже положил образец на матрицу. В результате мой образец отштамповался нормально, а образец Николая треснул по сгибу.

– Видите, как я вам и говорил, один нормально, а другой трескается.

– Тогда давай ещё пробовать.

Результат второй пробы повторился с тем же результатом. Я взял в руки две отштампованные заготовки – свою и Николая.

– Коль, ты где учился и чему?

– В нашем машиностроительном, на кафедре обработки давления.

– Так мы коллеги. Забыл, что ли, чему учили? Не беда, сейчас вспомним вместе. Гляди, вы штампуете косынки из горячекатаного листа, на его поверхности хорошо видна текстура проката – направление деформирования при прокатке, вот видишь полоски? На кафедре тебе рассказывали, что линиюгиба надо располагать перпендикулярно текстуре прокатки, ты обе свои заготовки расположил так, что линиягиба располагалась параллельно текстуре, вот они у тебя и трещат. Теперь давай посмотрим, что в карте раскроя указано, – тащи.

Николай ушёл и минут через десять приволок техпроцесс изготовления косынки, открыли на странице карты раскроя.

– О, смотри-ка, а технологи-то ваши лучше тебя в институте учились, указано, что заготовка косынки, при вырубке из листа, располагается так, чтобы при последующей гибке линиягиба располагалась перпендикулярно направлению деформирования полосы при прокатке. А чего ж не штампуется-то?

– А мы рацуху в цеху написали, для экономии материала, раскрой поменяли.

– Много наэкономили?

– Неа.

– Ещё вопросы по гибке есть?

– Уже нету, но вообще есть.

– Выкладывай.

– Мы много дисков вырубам, из того же проката, часто приходится вырубные пуансоны менять – тупятся, и заусенец начинает на заготовках появляться.

– Ну пошли глядеть.

Подшли к участку, на котором осуществлялась штамповка дисков, картина была простая – из горячекатаной полосы листоштамповочный пресс с грохотом вырубал диски, смотреть там, собственно, было не на что, и так всё было ясно, простенький штамп, полосу с пуансона сдирали жёстким съёмником.

– Ты помнишь, из-за чего заусенец образуется при пробивке-вырубке?

– Ну, в общем, да, пуансон тупится и в диаметре уменьшается слегка.

– Это причины, а саму механику процесса?

Николай неопределённо что-то промычал.

– Тут такая штука. Не зная, как конкретно протекает болезнь, сложно назначать лечение. Пошли в техотдел, разберёмся, заодно закажем чертежи штампа – надо посмотреть, какую сталь конструктор использовал для пуансона и матрицы.

Придя в отдел, мы, заказав чертежи штампа, постадийно разобрали с Николаем, как происходит вырубка-пробивка листового материала, сидели, размышляли, что можно сделать.

– А что вы сейчас делаете?

– Пуансоны меняем, чуть не каждую неделю.

– А штамп-дублёр у вас есть?

– Нет, а зачем?

– Чтобы простоя не было.

– Не знаю. Начальство не говорило, что нужен дублёр.

– Начальству иногда подсказывать нужно, бывает, что у него мозгов на всё не хватает.

Принесли чертежи штампа, он был большим, но, конструктивно, весьма простым. Пуансон, как я и полагал, был изготовлен целиком из огромной заготовки инструментальной стали не самого высокого качества.

– А пуансон из такой говённой стали изготовили, надо полагать, из экономии? Ваши заводчане проектировали?

– Наши.

– Звони, приглашай конструктора.

Вызвонили конструктора, пришёл лысоватый мужик лет пятидесяти. Представился:

– Виктор.

– Алек. Вить, а зачем ты пуансон целиковым забацал?

– Думал кольцо поставить, но ведь всё равно затупится, хоть и попозднее. А там три-четыре раза заточишь, и привет, выбрасывать, крепёж-то будет мешать.

– Ну да, ты отверстия для крепежа думал в самом кольце разместить.

– Конечно. А где ещё?

– В общем, так, мужики. Я предлагаю, для решения вашей проблемы поступить следующим образом:

Пуансон выполнить составным из трёх частей, первая часть будет крепиться к верхней плите, так же как крепится пуансон сейчас. В принципе, его, доработав, можно использовать в качестве первого элемента – нужно только расточить в нём отверстие. В это отверстие по скользящей посадке будет вставляться второй элемент в виде цилиндра с заплечиками, на который будет насажено рабочее кольцо – третий элемент. Вторая часть будет крепиться к первой шестью болтами, размер просчитайте сами, прочность крепежа должна с запасом превышать усилие съёма полосы, то же и с сечением заплечиков. В центре первой части сквозное отверстие через верхнюю плиту сделайте – легче будет демонтировать, если что.

Рабочее кольцо, конечно, надо делать из твердосплава, если не захотите заморачиваться, то хотя бы возьмите не обычную инструментальную сталь, а высоколегированную.

Обязательно сделайте штамп-дублёр, при вашем объёме производства это не просто нормально, это непременно условие стабильной работы.

Матрицу я бы тоже сделал бы составной – с рабочим кольцом из твердосплава, ну на крайняк из стали нормальной, только тогда сделайте десяток-полтора подкладных колец толщиной строго в пару миллиметров, перешлифовали рабочее кольцо на два миллиметра и подложили колечко – делов-то на копейку.

Говоря это, я нарисовал составной пуансон, как я его представлял и отдал Николаю, сказав:

– А, что тут ещё придумаешь, можно ещё пескоструить полосу перед штамповкой – окалину сбивать, немного поможет, смазку какую-нибудь можно подобрать, чудес-то никаких в нашем деле нет, так что решайте вопрос с начальством.

Виктор ушёл озадаченный, Николай предложил:

– Я обедать пойду, не хотите составить компанию?

– С удовольствием.

Мы пообедали, за обедом потрепались о его работе, возвращаясь, уже когда мы шли по цеху, Николай остановился около небольшого огороженного участка и обратился ко мне:

– Мы тут жёсткие сцепки делаем – на трубе с одной стороны кольцо, с другой пара проушин. Отверстия в проушинах прокалываем в специальном штампе, одновременно навстречу друг другу, чтобы соосность была, иначе ось не вставить. Тут такая картина, после изготовления сцепки ось, то, как к себе домой залетает, а то кувалдой колотить приходится по проушинам, чтобы она вошла. Это как бы к штамповке отношения не имеет, но, может, глянете, вдруг увидите то, что я никак не пойму.

– Why not, ладно, постою, гляну, вдруг что увижу.

Я остановился и стал наблюдать за работой участка, жёсткая сцепка, которую делали на этом участке, представляла из себя стальную трубу диаметром миллиметров сто, к которой с одной стороны приваривалось кольцо, а с другой стороны две проушины, отверстия в них про-

бывали на заключительной стадии изготовления. Реализовывалось всё это на небольшой полуавтоматической линии, где работало человек шесть, четверо из них загружали трубы, кольца и заготовки проушин, выгружали готовые изделия, что делали двое остальных, не помню, не суть. Приварка кольца к трубе осуществлялась на первых позициях линии, на следующей позиции точечной сваркой фиксировались проушины, затем на позиции, расположенной где-то в середине линии, они приваривались окончательно, далее сцепки двигались к месту финишной операции – пробивке соосных отверстий, которая осуществлялась на последней позиции.

Наблюдая за работой линии, я понял, в чём причина нарушения соосности отверстий в проушинах – при нормальной работе линии сцепка проходила расстояние между позицией окончательной приваркой проушин и пробивкой в них отверстий очень быстро. Отверстия в проушинах пробивали «на горячо», то есть при неостывших сварочных швах. После того как швы остывали, сварочные деформации немного изменяли положения проушин от того, в каком они находились при пробивке. По счастью для производства, линия эта никогда не работала штатно, в её работе постоянно происходили какие-то сбои: то рабочие не успевали подать на исходные позиции все комплектующие, то отлучался кто-нибудь из работников, то происходил какой-то сбой, в результате чего сцепки приходили на заключительную операцию холодными, что, собственно, и требовалось для нормального результата.

Разобравшись с причиной возникающих дефектов, я пошёл искать ближайшую точку подключения к цеховой магистрали сжатого воздуха, и найдя её, обратился к Николаю, он что-то писал, сидя за своим столом в техотделе.

– Ну всё, Николай, разобрался я с твоей линией.

Коля явно обрадовался, вскочил со стула:

– Да, а что там не так?

– Сейчас всё узнаешь, но для начала притащи к линии шланг воздушный, трёх четвертной, длиной метров пятнадцать; отрезок трёх четвертной трубы стальной водогазовой сантиметров тридцать-сорок длиной; пассатижи; молоток; моток миллиметровой проволоки не сталистой, помягче, с метр, не больше, и рукавицы.

– А зачем?

– Всё узнаешь. Пока ты всё организуешь, я пойду мужиков своих найду, они все, наверно, уже на низком старте – первый день в командировке, пора уже делом заняться, не для того же мы тут, чтобы по заводу мотаться, есть дела и поважнее, а я всех торможу. Ну давай, через полчаса встречаемся у линии.

Пока мы с парнями решали, где будем отмечать приезд в командировку, Николай приволок всё заказанное мной к линии. Подходя, я увидел, что он явно заинтригован моим странным набором материалов; невдалеке я заметил ещё пару слонявшихся с отсутствующим видом ребят из техотдела, что-то вроде – гуляем себе, никого не трогаем, починаем примуса. Народу было интересно, что за цирк я собрался устроить.

Я подошёл к Николаю.

– А чего ты рукавицы снял, надевай снова.

Николай послушно натянул рукавицы.

– Бери трубу, молоток. Отлично. Теперь один конец трубы надо расплющить так, чтобы осталась щёлочка миллиметр, не больше. Сможешь?

– Чего проще.

Коля взял отрезок трубы и молоток, подошел к стоящему невдалеке неработающему прессу, положив трубу на подштамповую плиту, и стал молотком лупить по её концу. В финале своих усилий отложил трубу в сторону, походил вокруг пресса, нашёл какую-то пластинку, толщиной один-два миллиметра, засунул её в трубу, простучал ещё разок и предъявил мне. Парень был явно не глуп и с руками.

– Так пойдёт.

Щёлочка получилась что надо.

– Отлично. Теперь на другой конец насади шланг и поставь пару проволочных хомутиков. Николай справился и с этим заданием.

– Прекрасно, пошли крепить.

Мы подошли к линии.

– Вот гляди, Колян, в руках у тебя сопло, из которого сжатый воздух будет обдувать проушины,двигающиеся от точки приварки к месту пробивания отверстий. Цилиндры на конвейере двигаются у нас вертикально, проушины все находятся в одной плоскости. Надо поставить сопло так, чтобы они обдувались все, прямо от места сварки до конца конвейера.

– А зачем?

– Тепло смывать, Колюня, тепло. Ты погляди, они на пробивку приходят ещё красные, а как остынут, их сварочные деформации и корёжат. А мы их подстудим, глядишь за время, что они идут от сварки до позиции их пробивки, они уже на мест встанут, после проколки их не поведёт.

Мы нашли нужное место на стойке ограждения, прикрутили нашу трубу – сопло, подсоединили шланг цеховой магистрали сжатого воздуха, открыли кран. Стали наблюдать, я почувствовал, что кто-то сопит мне в спину, это оказались два партизана – коллеги Николая, хоронившихся в зарослях кузнечнопрессового оборудования. Я сказал:

– Дождёмся, когда первая сцепка пройдёт до пробивки, не останавливаясь после сварки, проверим её, если соосность не нарушится, значит, мы всё правильно поняли.

Дождались, соосность не нарушилась.

– Ну что, Николай, я сегодня всё твои желания исполнил?

– Спасибо, Алек Владимирович, особенно с линией, вообще не понимал, что с ней творится.

– Пустое, но то, что мы сделали, это так, на живую нитку. Вот, гляди, на конвейере темп задаёт приводной пневмоцилиндр; ты прикинь – нужно электрикам задание дать, чтобы они поменяли циклограмму работы участка, – цилиндр будет пореже срабатывать, медленнее будет двигаться конвейер, проушины после сварки будут остывать. Производительность линии упадёт, но, скорее всего, пролезете, я час наблюдал за работой конвейера. Он больше стоит, чем работает. Ну ладно, давайте прощаться, меня коллеги ждут.

Вспоминая через много лет эту историю, я понял, что, в командировку эту меня послал директор, чтобы проверить и понять, а кого он, собственно, взял на работу, соображаю я что-нибудь в своей профессии.

Через неделю меня задвинули в какую-то комиссию, которая, должна была научить правильно работать руководство Люберецкого завода сельхозмашин имени Ухтомского, это было забавное приключение. Завод нещадно проваливал план – в министерстве решили научить заводчан управляться с делами правильно. Не мудрствуя лукаво, стащили с заводов и отраслевых институтов специалистов, создали из них временный коллектив, человек в тридцать, привезли на завод, где этот коллектив должен был за месяц разобраться с тем, что на заводе неправильно, исправить это, попутно научив заводчан работать как надо. Эту абсолютно idiotскую идею поручили реализовать большому министерскому чину, что-то вроде начальника управления, по фамилии, если мне не изменяет память, Костенко.

Разместились мы в заводском актовом зале, Костенко организовал небольшой штаб, сказал программную речь, потом стал нарезать нам задачи, нарезал и мне:

– Представьтесь.

– Рейн Алек Владимирович, ПКТИТП, обработка давлением.

– Прекрасно. Тебе такое задание: проверь состояние всей штамповой оснастки: доложи, каких штампов не хватает, какие требуют замены, какие ремонта. Каждый штамп и пресс-форму осмотри и лично убедись в работоспособности. Срок двадцать дней, работайте хоть в

три смены. Привлекайте, если надо, сотрудников из своего института, если надо, я дам соответствующие распоряжения вашему директору, но работу надо закончить не позже указанного срока. И имейте в виду – халтуры я не допущу.

Я бодро отрапортовал:

– Приступаю, – и пошёл, размышляя. Всего оснастки на заводе наверняка не меньше нескольких десятков тысяч. Для того чтобы убедиться, что каждый штамп работоспособен, нужно поставить его на пресс и отштамповать деталь, с учётом того, что завод работал и продолжал выпускать продукцию, заниматься с нами всем было некогда, поэтому на каждый штамп понадобится в среднем по часу минимально, и это вряд ли. Получалось, что если предположить, что штампов тысяч десять, то, трудясь без выходных, мне придётся заниматься этой проблемой три с половиной года. Успокоенный, что на ближайшие годы работой я обеспечен, я пошёл искать отдел технической документации завода.

В комнате с высоченными потолками, сплошь заставленной по периметру стеллажами, со сложенными на них папками чертежей, я нашёл высокого жилистого старика, стоящего на стремянке и пытающегося извлечь какой-то пыльный фолиант.

– Здрасьте, это отдел техдокументации?

– Догадливый.

– Не подскажите, с кем можно побеседовать относительно оснастки, комплектность, состояние, то, сё.

– А у нас тут дел вообще нет, только и ждём с кем бы побеседовать.

– Да я тут не по своей воле, начальство направило.

– А! Так ты из министерских. Из комиссии.

– Не, я из простых лягушек. Прикомандированный, а сам конструктор по штамповой оснастке. Вот приказали, я стараюсь.

Я стоял, оглядывался по сторонам, рассматривал помещения. Во всём виден был порядок и хорошая организация.

– Дед спустился со стремянки, аккуратно положил папку чертежей на стол длиной метров пять:

– Как звать-то?

– Алек.

– Я тут, Алик, за главного и за всех прочих, Сергей Никитич меня зовут. И чего тебе надо?

– Начальство, Сергей Никитич, велело разобраться, каких штампов не хватает, какие требуют замены, какие ремонта, я смотрю, у вас тут образцовый порядок. У вас ведь наверняка есть все нужные цифры, Вы не поделитесь со мной?

– И какие тебе категории штампов нужны?

– Все.

– Да мы с тобой до Нового года просидим, если по каждому штампу беседовать будем.

– А мы все не будем смотреть, возьмём выборку десять процентов, и нормалёк.

– А начальство же велело тебе все просмотреть.

– Если выполнять всё то, что начальство говорит, времени на отдых не останется, я уж про работу не говорю.

Дед явно развеселился, видно, тоже начальство не очень жаловал.

– Ну давай, садись, Алик, поработаем.

Проработали мы с ним дня три, и то только потому, что иногда ему приходилось отвлекаться на свою основную работу. Старикан оказался необыкновенно полезен, в каждой категории он помнил всю свою оснастку по количеству, детально знал число неисправной оснастки, и что в ней надо было подлатать или заменить, чётко, на память, аннотировал состояние каждой единицы, изредка заглядывая в дефектную ведомость, обошлись без выборки. На второй день

я приволок закуски и пузырёк, чтобы не отвлекаться на хождение по столовым, расставались мы как два закадычных друга.

Утром следующего дня я заехал в машбюро ПКТИТПа, девушки отбарабанили мне семь страниц моего отчёта, получили пару честно заработанных шоколадок, а я укатил в Люберцы.

Сдав отчёт в штаб нашей экспедиции, я сел в центре зала и углубился в чтение, читал я тогда «Расплату» Тендрякова. В стране начали происходить какие-то перемены, вдруг разрешили публиковать всё то, что в годы нашей юности мы могли читать только в самиздате. Мы были подписаны на журнал «Новый Мир» и взахлёб читали Платонова, Замятина, Тендрякова, Дудинцева, Рыбакова, Приставкина и много других. А тут у меня появилось уйма свободного времени, и я упивался им, чувствовал себя, как на курорте. Кроме меня в зале всегда кто-то находился, но люди приходили и уходили, лишь я постоянно находился на своём месте недалеко от окна и на сцене корпел штаб.

В какой-то момент Костенко обратил внимание на моё надоедливое присутствие и подзвал меня к себе – его стол стоял внизу, перед сценой, чтобы входящим в зал сотрудникам не приходилось каждый раз подниматься на сцену.

– Скажите, вы кто?

– Рейн Алек Владимирович, ПКТИТП, обработка давлением.

– А у вас какое было задание?

– Проверить состояние всей штамповой оснастки, доложить, каких штампов не хватает, какие требуют замены, какие ремонта.

– И почему вы не работаете?

– Всё сделал.

– Всё сделали. А сколько единиц оснастки, по вашему переделу, числится?

– Десять тысяч семьсот одиннадцать единиц.

– Вы тут уже три дня мне глаза мозолите. Хотите сказать, что вы за два дня лично ознакомились с состоянием одиннадцати тысяч штампов?

– Так точно, с маленькой поправкой: за три дня ознакомился лично.

Костенко повернулся к штабу:

– Дайте мне отчёт по штамповой оснастке.

Получив отчёт, Костенко пролистал его, на скулах стали поигрывать желваки.

– Всё это, как вы утверждаете, абсолютная правда.

– Так точно. Абсолютная. Каждый штамп лично осмотрел, ощупал, обнюхал, часть лизнул. Для надёги.

Костенко повернулся к штабу:

– Проверьте этот отчёт, я сомневаюсь в результатах.

Старший из штабных, проглядев отчёт, сказал:

– Не успеем, объём большой.

– Как не успеете? Вот специалист из ПКТИТПа за три дня сделал, а вас десять человек, и не успеете. Возьмите кого-нибудь на заводе, там блядей болтается столько, ни х... я не делают, пусть помогут. Отчёт должен быть проверен, я не позволю, чтобы всякий пиз...юк мне мозги е...ал.

Повернувшись ко мне, Костенко сказал:

– Это я не вам. Имейте в виду, если ваш отчёт окажется липой, я приму кадровые решения.

– Так точно.

Костенко раздражённо махнул рукой в направлении актового зала:

– Ладно, идите, ждите, когда появится для вас работа.

Я отправился на своё любимое место и углубился в чтение. Через дней пять нашу комиссию навестил какой-то ещё более важный начальник. Войдя в зал, он стал материть всех нас

и больше всего Костенко, поскольку наше присутствие на заводе не оказывало никакого благоприятного действия на выпуск готовой продукции. Матерился начальник так, что на свежеразкрашенных стенах стала лопаться масляная краска. Дойдя до сцены, начальник забрался на неё и затребовал к себе Костенко:

– Ну хули ты там сидишь, мудака? Давай поднимайся ко мне.

Костенко мухой метнулся к начальнику, и у них возникла оживлённая дискуссия, доносившаяся до нас в виде сплошного потока матерной брани, перемежающейся только союзами, предложениями и личными местоимениями: на, в, из, тебя, вас и прочее.

Сидящий недалеко от меня сосед комментировал мне вполголоса происходящее: оказалось, что Костенко являлся то ли зятем, то ли свояком более высокого начальника, и отношения их вполне родственные, а голимый мат – это так, маскировка близких родственных связей.

Накричавшись, высокий начальник вызвал начальника производства и устроил показательный разнос:

– Завод план не может выполнить, а ты что лично предпринял для того, чтобы план выполнялся?

Не слушая сбивчивые объяснения производственника, он продолжил:

– Ты объясни мне, почему на заводе вторая смена отсутствует?

– Как отсутствует, у нас вторая смена есть.

Большой начальник повернулся к столу, за которым сидел закаменевший от страха штаб:

– Давайте, сбегайте в службу главного энергетика, принесите суточные графики потребления электричества за неделю. Пошустрее, чего застыли?

Просмотреть графики было толково придумано – неработающее оборудование электроэнергию не потребляет. Исследование графиков подтвердило эту печальную зависимость, загрузка оборудования во второй смене составляла процентов пятнадцать. Сей факт привёл большого начальника в ярость, он вскочил со стула и стал материть заводчанина, обещая самые лютые кары. Однако начальник производства оказался крепким орешком и нашёл способ окоротить заместителя министра:

– Пошёл на х...й, мудозвон пустозвонный, иди, бл...дь, сам набери дураков за две копейки, на этом ржавом говне по ночам горбатиться. Выгонит он меня, козёл сраный. Всё, остопа... дело, увольняюсь, разбирайтесь сами.

Выговорившись, он развернулся и, энергично шагая, покинул актёрский зал. Большой начальник растерянно посмотрел на своего кума или свата, на поникший штаб, на нас, с интересом наблюдающих за всем этим спектаклем, сел на стул, немного пошептался с Костенко, затем встал, повернулся лицом к залу и произнёс:

– Работайте, товарищи, – после чего спустился со сцены и проследовал к выходу. Он не просто шагал – шествовал, фигура его выражала значимость, мне показалось, что он и в самом деле был неглуп, вот только постоянное ощущение собственного величия ему немного подгаживало.

Всё успокоилось, я продолжил свои увлекательные путешествия в миры Платонова, народ в зале то пропадал, то появлялся. Через неделю, может, полторы в зал панически вбежал мастер какого-то участка и стал что-то горячо втолковывать Костенко. Через пару минут их оживлённой беседы Костенко поднял голову, выискал меня взглядом в зале и окрикнул:

– Эй, вы, да-да, вы, подойдите.

Я подошел к их столу, Костенко сказал:

– Берите стул, садитесь.

Я взял стул, присел к столу, Костенко сказал мастеру:

– Повторите.

Мастер рассказал, что у них срывается отгрузка готовой продукции из-за того, что вышла из строя ГKM (горизонтально-ковочная машина), на которой они штамповали заготовки тяги

рулевого управления косилки КПС. Починить машину быстро не удастся, заказать партию этих крюков тоже, штамповать крюки они пробовали – не получается, всё пропало, гипс снимают, клиент уезжает, план опять, скорее всего, завалят.

Костенко кивнул на лежащий на столе чертёж рым-болта:

– Что скажете?

Я задумался: прогуливаясь по цехам, я видел и эту ГКМ, и как на ней штамповали из прутка эти заготовки. Не имея специализированного оборудования, повторить эту технологию не представлялось возможным. Согнуть нахолодно прут на такой малый радиус, проблемно – растрескается. Задумался: как сделать?

И вдруг пришло решение, пришло сразу, я взял листок бумаги. Нарисовал изменения прута по переходам при штамповке, потом повернулся к мастеру и сказал:

– Отштамповать можно по обходной технологии. Вот смотри, надо в первом переходе, нагорячо, сначала расплющить в местегиба – чтобы при последующей гибке увеличить относительный радиусгиба, потом, во втором переходе, согнуть, а затем, в третьем переходе, положить набок и вернуть весь «набор» в тело прутка. Штамповать с одного нагрева в трёхручьевом подкладном штампе.

Мастер цеховой сразу понял, что технология осуществима, но реакция его была интересной, он пришёл в лёгкое возбуждение и сказал:

– Беги в БРИЗ.

– Зачем?

– Оформляй заявление на рацуху, я от цеха подпишу – десятку получишь.

– Да бог с ней, с десяткой, твоё мнение – пойдёт?

– Должно пройти. – Мастер повернулся к Костенко, кивнув в мою сторону, сказал: – Путёво придумал. Только штамп надо нарисовать, а то наши начнут возиться, не дождёшься.

Костенко спросил меня:

– Штамп спроектируете?

– Не вопрос, только надо будет в ПКТИТП ехать, там ребята есть, нарисуют.

– Езжайте, постарайтесь побыстрее, как закончите, чертежи передайте в конструкторское бюро инструментального цеха завода.

По приезде на работу я вручил Сафронову чертёж и схему штамповки, Володя обложился справочниками – всё ж таки мы листовики, а не горячештамповщики, спроектировал под предлагаемую технологию трёхручьевого штампа, отвёз чертежи на завод, сдал в бюро, где ему выдали расписку.

А я продолжал заниматься изучением творчества представителей группы писателей возвращённой литературы. Дня за два до конца нашей экспедиции Костенко снова подозвал меня, я подошёл к столу, он озадаченно изучал два каких-то машинописных документа, заглядывая в них по очереди.

– Садись.

Закончив изучение документов, Костенко сказал:

– Бригада, которая занималась проверкой вашего отчёта, предоставила свой, удивительно, они расходятся только на семь позиций, но это на таком объёме цифра незначимая. Не откроете секрет, как вам за два дня удалось сделать одному то, над чем семеро двадцать дней работали?

Я решил не делать ему подарка – и не стал рассказывать про чудесного старика, который знает всё заводское штамповое хозяйство как отче наш, и, состроив умную гримасу, ответил:

– Да какие секреты, многомерный дисперсионный и ковариационный анализ.

Костенко, скорчив физиономию ещё умнее, ответил:

– Аааа, ну да, конечно. Ну что ж, поработали вы хорошо, можете возвращаться к своим обязанностям по основному месту службы.

Возвращаясь в подвал в Брюсовом переулке, я размышлял, нашла этого классного старика комиссия, созданная Костенко, или нет, и понял, какой же я в всё-таки дятел. Наверняка нашли, всё разузнали и договорились свалить по-тихому в эдакий незапланированный отпуск, что и я мог бы предпринять, если б был чуток поумнее. Но что уж тут поделаешь – всё получилось, как есть, как написал Митяев, в своей чудесной песне «Август».

Потянулись серые денёчки – никакие, ездил в командировки, сидел, читал всё новоизданное, вспомнил, что Рыжов просил попытаться написать методичку для определения размера материального конструкторов и технологов, сел, написал текст и отнёс главному экономисту института. Экономиста звали, если не изменяет память, Светлана. Она, прочитав мой труд, попросила его немного упростить, поскольку там фигурировала какая-то простенькая формулка – мол, девочкам-расчётчицам будет сложно использовать её при начислении премии. Я построил график, которым несколько лет пользовалась бухгалтерия в своих расчётах, все ругали эту систему, но пользовались, поскольку ничего другого никто придумать не смог. Я даже почувствовал себя изрядным экономистом и слегка подраздусь, но ненадолго. Копаюсь на своём столе, случайно обратил внимание на методичку РОСНИИТМа, которую я прочитал месяца три-четыре назад, открыл её и обнаружил все формулы, которые я уже считал своими – а как же, я же их сам переписал в свою инструкцию. Выходит, что я только представил графическую интерпретацию формулы РОСНИИТМа и изложил их текст своими словами. Я тут же сдусь и тихо отполз от притязаний на авторство метода в переписанной мною методичке.

В начале декабря со мной произошла не самая приятная история – мы с Генкой Полушкиным пошли в Доброслободские бани. Нет, она неприятная не оттого, что мы пошли именно с Генкой, это-то было как раз нам обоим приятно – давно не виделись. После защиты диссертации Геняча как-то на кафедре никак не двинули, и примерно в то же время, когда я ушёл в ПКТИП, Гена ушёл старшим научным сотрудником в лабораторию диффузионной сварки Московского мясомолочного института (МТИММ). Виделись мы редко, соскучились, решили пойти попариться, заодно и потрепаться. Выпивку не брали, решили попить пивка после бани.

В зоне отдыха, как и в подавляющем большинстве московских бань, установлены кабинки, каждая на шесть посадочных мест. В этой кабинке посетители раздеваются, оставляют личные вещи, когда идут в парную или мыться, там же они и отдыхают. Состав людей, сидящих в кабинках, меняется, кто-то любит попариться, посидеть подольше, кто-то приходит просто помыться, не засиживается.

Мы с Генкой, напарившись, помывшись, спустились вниз, подошли к гардеробу. Генка протянул свой номерок, я стал искать свой, но не нашёл его в нагрудном кармане пиджака, куда я его всегда кладу во всех заведениях, где приходится снимать верхнюю одежду. Не найдя его и в сумке, я обратился к гардеробщику, пожилому мужчине:

– Слушай, отец, похоже, я номерок посеял.

– А во что ты одет был?

– Пальто серое ратиновое, шапка беличья коричневая.

– А в карманах, деньги, документы?

– Да нет, перчатки только кожаные чёрные и платок носовой.

– Ну пройдишь, посмотри. Найдёшь, отложим в сторону, а нет, пойдёшь к директору, заявление напишешь. Или чего там директор скажет.

Перекопав весьма тщательно всё висевшее на крючках, я свою пальтушку не обнаружил.

– Нет моего пальтеца.

– Нет, значит, спёрли, иди к директору.

Поднялись с Генкой вдвоём к директору.

– Здравствуйте, похоже, у меня одежонку украли в вашем заведении.

– Украли – это плохо. Как украли?

– Судя по всему, сначала стащили номерок, потом с ним в гардероб, и поминай как звали.

Директор посмотрел на меня, я был в чёрном кожаном пиджаке – Володька Павлов при-ташил, ещё до начала кооперативного движения. Где-то их шили в какой-то левой артели и из-под полы торговали, за вполне доступные деньги. Видно, глядя на пиджак, директор составил мнение о том, как я был одет.

– А я знаю, как вы были одеты. Дублёночка болгарская, не новая, года три уже носите, шапочка ондатровая, шарфик мохеровый.

– Не, на мне пальто было серое, ратиновое, югославское, шапка беличья, а шарфик мохеровый, это точно. Денег, документов не было.

– С деньгами в парную ходите?

– А чего, так надёжнее.

Деньги, да какие там деньги, так мелочишку и документы я всегда прятал под двойное дно чёрной кожаной сумки, с которой я ходил в баню и на спорт. Чего бы мне туда и номерок от гардероба не притырить?

– Ну располагайтесь, придётся подождать, сейчас милицию вызовем. А вы сходите пока вниз, ещё покопайтесь, вдруг не заметили.

Я спустился вниз и за разговорами с гардеробщиком перевероршил всю его гардеробную – моё пальто отсутствовало.

Милиция приехала часа через полтора – служитель законности, явно замученный всеми этими происшествиями, по-свойски поздоровался с директором, потом расспросил меня с Генкой, заполнил какие-то бумаги, дал мне расписаться и задал вопрос:

– Вы, конечно, в суд будете на баню подавать на возмещение убытка?

Я, признаться, об этом ещё даже не подумал, но ответил:

– Конечно.

– Вам тогда нужно обращаться в суд по Бауманскому району, там скажут, какие документы ещё потребуются. А я вам справочку о краже сразу дам.

Заполнив какой-то бланк с печатью, милиционер вручил её мне и стал основательно размещаться за столом, директор бани загремел посудой. Поняв, что все процедуры закончены и дальнейшее наше пребывание становится обременительным, директор с милиционером явно собрались пить водку, мы с Генкой, сглотнув слюну, пошкандыбали вниз. Нам повезло, ещё работал буфет, мы выпили по кружке пива, после чего Генка пошёл ловить такси – это был единственный шанс до меня добраться после бани домой, не простудившись. Я дождался, притулившись на лавочке рядом с гардеробом.

Дома Людмила, открыв мне дверь, вглядывалась, не понимая, что её удивляет во мне, не дождавшись, я подсказал:

– Да, я без пальто, шапки и шарфа.

– А почему?

– Мелочи не было, дал на чай гардеробщику. Очень у него глаза грустные были.

На следующий день, натянув своё старое пальтецо и кроличью шапку, я рванул с утра в Бауманский районный суд, писать заявление на баню, за то, что они не уберегли моё имущество, пока я эпикурействовал в парной.

Девушка в окошечке суда, куда надо было сдавать документы, растолковала мне, что я должен обратиться в товароведческую экспертизу, где мне расскажут, сколько стоило похищенное, что я сделал.

Экспертиза эта располагалась где-то в центре, кажется, где-то на Кропоткинской. Очереди не было, в нужном мне кабинете крупная, дорого одетая женщина с властным острым взглядом, увидев мою робкую физиономию, строго произнесла:

– Что у вас?

– Мне для суда нужна оценка украденного.

– Давайте, что там вам милиция понаписала.

Глянув мельком на протянутую мной бумагею, дама сказала:

– Опишите пальто.

– Такое серое, ратиновое, однобортное, в позапрошлом году в Петровском пассаже брал.

Югославское.

– Рукав вшивной?

– Да.

– Сто шестьдесят четыре рубля по прейскуранту. Шапка какая? мех, размер?

– Беличья, шестидесятый.

– Сорок рублей. Шарф?

– Мужской мохеровый, синий с зелёным, импортный.

– И вот так, местами, красная нитка?

– Да.

– Англия, двенадцать рублей. Приезжайте в пятницу.

Получив справку о стоимости похищенного с учётом износа, я в тот же день сдал её в суд вместе с прочими бумагами.

Суд прошёл как-то не пафосно. Секретарь суда открыла дверь в комнату без номера, располагающуюся рядом с залом, в котором должно было произойти судебное заседание, и, увидев меня, стоящего у двери в тот самый зал, спросила:

– Вы на тринадцать часов по поводу кражи?

– Да.

– Заходите.

Я шагнул в дверь, вслед за мной юркнул какой-то мужичок, слонявшийся невдалеке. В продолговатой комнате стоял большой двухтумбовый стол, за которым сидела сухощавая женщина лет пятидесяти, как я догадался – судья, разглядывающая бумаги, которые я приволок в суд пару недель назад. Напротив неё расположилась секретарь. Повернув голову в нашу сторону, судья сказала:

– Присаживайтесь.

Мы расположились на стульях, вдоль противоположной от судьи стены. Глядя на меня, судья спросила:

– Вы Рейн Алек Владимирович?

– Да.

– А вы представитель банно-прачечного треста?

– Да, – произнёс мужичок.

Немного ещё покопавшись в бумагах, судья произнесла:

– У истца или ответчика есть какие-то дополнения по делу, может быть, вновь открывшиеся обстоятельства, заявления, доказательства.

Мы с баннным представителем в один голос сказали:

– Нет.

Судья произнесла:

– Я удовлетворяю иск. – И глядя на банного представителя, добавила: – У вас будут возражения?

Мужичок поднялся, как-то смущённо пожал плечами и произнёс:

– Да нет, до свиданья, – после чего повернулся и так же, как-то боком, как вошёл, прошмыгнул в дверь.

Получив через неделю решение суда, я, по неведению, отвёз его в баню, но уже знакомый мне директор перепасовал меня вместе с решением в банно-прачечный трест.

В тресте мне не обрадовались, в бухгалтерии стали гонять меня из кабинета в кабинет, явно полагая, что мне надоест эта ходьба и я тихо заплачу, и уползу, растирая слёзы обиды

грязными ручонками по щекам. Пришлось зайти в кабинет директора, поматерившись друг на друга, мы быстро нашли общий язык, после чего я проследовал в кассу.

Начальник отдела перестал от меня шарахаться, видно, решил, что всё обойдётся, и обратился с просьбой:

– Алек Владимирович, помогите технологам, у них очень сложные детали – не могут просчитать развёртки, всё равно сидите без дела, вы всё же в моём отделе числитесь.

Пропустив его укол относительно моего ничегонеделания, я ответил:

– Конечно, помогу, пусть подходят.

Сели мы с технологом, женщиной лет сорока, разбираться с её сложными деталями. Ничего особенно сложного в них не было – косоугольные, неравнобокие короба. Изготавливать их нужно было обычной гибкой из заготовки довольно сложной формы. Проблема женщины-технолога была в том, что она плохо знала азы начертательной геометрии, являющейся, как известно, основой машиностроительного черчения. Мы с ней дня за три вспомнили основы этой дисциплины, и к концу недели она уже разобралась, как её рассчитывать заготовки для штамповки этих коробов.

За всеми этими хлопотами подступил декабрь, и тут выяснилось, что отдел безнадежно заваливает план. Спасать оный в отдел примчался Рыжов, собрал в одну комнату начальника, зав. секторов, парторга отдела, зачем-то притащили и меня. В результате часового ора выяснилось, что пути по спасению плана нет ни у кого. Тут Рыжов обратил внимание на меня, мирно дремавшего в уголке:

– А ты чего такой спокойный сидишь?

– А каким боком меня это касается? Я, что ли, виноват?

– Сейчас не время разбираться, кто виноват, кто не виноват. Надо план спасать. Ты всё же в институте работаешь.

– Собираться кучей и орать – это не спасать, это базар пустой. Вы час уже вместе кричите, а в чём суть засады, мне вот лично непонятно. Конкретно, почему план не будет выполнен?

В разговор вступил Акимов:

– Не успеваем для Сызраньсельмаша спроектировать группу штампов. Я с заводом пытался договориться, но они отказываются активировку подписывать без чертежей.

– И в чём проблема? Найти фирму, договориться, чтобы по договору нам штампы спроектировали.

– Это легко сказать: найти фирму, у меня таких знакомых нет. Болтать каждый горазд, а вы можете найти такую фирму. Или это вы так, чисто потреться, здесь перед нами покрасоваться решили.

– Я думаю, что это небольшая проблема.

– Думать вы можете всё, что вам заблагорассудится, сделать конкретно вы, сами, лично сможете? Или вы больше поговорить или книжки читать в рабочее время?

Начальник отдела пошёл на меня в атаку, по сути, давно было пора, полгода на исходе, как я находился в его отделе. Занимался чем хотел, куда-то уезжал, приезжал, не спрашивая и не отчитываясь, читал художественную литературу в рабочее время, в общем, вёл себя возмутительно. Я на его месте давно бы наладил такого подчинённого из своего отдела, почему он терпел, не пойму. Отвечать ему я не стал, я понимал, что он испытывал ко мне, но что тут поделаешь, не я такой, жизнь такая, как сказал один киногерой.

Повернувшись к Рыжову, я сказал:

– Я думаю, что я смогу найти нужную нам контору. Я завтра сгоняю в пару мест, переговорю. Но мне нужна какая-то конфетка для них, кроме оплаты за сделанную работу, что мы сможем предложить?

Разговор перешёл в деловое русло, не помню кто, кажется, Акимов, предложил:

– А у нас же работы по Сызраньсельмашу, при условии выполнения плана в срок, включены в программу ФЭС (фонда экономического стимулирования), ты скажи им, что, кроме оплаты, они получать премию сорок процентов, за такие деньги, если у них будет возможность, любой согласится.

Я посмотрел на Рыжова, Игорь Николаевич, помрачнев, ответил:

– Отдел, как, по сути, не выполнивший годовой план, будет лишён всех премий. Но эту часть работы мы профинансируем дополнительно и включим её в программу ФЭС. Обещай смело.

– Хорошо, давайте так. Вы, Владимир Николаевич, подготовьте перечень штампов с чертежами деталей, названиями операций, группами сложности, примерной стоимостью без ФЭС и завизируйте его утром у Игоря Николаевича, чтобы по финансам потом вопросов не возникло. Подготовьте всё, чтобы завтра к девяти утра я подъехал и забрал у зам. главного инженера.

– Как завтра к девяти, да тут работы на два дня.

В разговор вмешался Рыжов:

– Хорошо, подъезжайте к девяти, Алек Владимирович, Владимир Николаевич всё сделает.

Тон его был таков, что Акимов съёжился больше, чем при словах о лишении премии всех работников отдела, очевидно было, что свою дополнительную порцию люлей он получит.

– Ну надо, так что ж, сделаем сегодня, да, Юр?

Дубинин откликнулся:

– А куда деваться, сделаем.

– Ну и отлично, завтра утром я забираю бумаги, думаю, к полудню у меня будут какие-то ответы, – попытожил я.

Часов в одиннадцать следующего дня я беседовал в ВПТИ тяжмаш со своим первым учителем по инженерной части – Берлинером.

– Леонид Ильич, я сейчас в одной конторке чахлой тружусь завсектором, у нас проблемы с годовым планом серьёзные намечаются, не по моей вине, но меня просили помочь. У меня появилась идея поговорить с начальником отдела вашего, чтобы он согласился взять халтуру небольшую – два десятка штампов, средней сложности. Поддержите меня? По вечерам немного подхалтурит народ – на подарки к Новому году, расценки неплохие.

– А вроде бы говорили, что ты сейчас в МВТУ трудисься, кандидатскую защитил?

– Защитил, ещё в восемьдесят втором. Работал на кафедре технологии металлов, с новым зав. кафедрой посрались, ушёл. Сейчас зав. сектором работаю в одной мелкой конторке, обещают заводделом сделать.

– Понятно, а есть у тебя материалы, расценки?

– Конечно, всё есть, даже договор, подписанный с нашей стороны. Имейте в виду, в конце года ещё сорок процентов фэсов получите.

Берлинер просмотрел чертежи заготовок и расценки.

– А что, неплохая халтурка к Новому году, пошли к начальнику отдела.

Львович Сергей Никитович, которого я помнил ведущим инженером, выслушав нас, сказал:

– Леонид Ильич, ну если считаешь, что справишься и с нашим планом, и с их, – флаг тебе в руки, но здесь без разрешения директора института нельзя никак. Алек, а ты когда у нас работал, Маркина застал?

– Конечно, он начальником отдела стал, когда я ещё здесь работал.

– Позвони сам, переговори с Пал Иванычем – разрешит если, то мы всё слепим в срок, а нет, извини.

– Давайте.

Сергей Никитович накрутил на телефонном диске несколько цифр и протянул мне телефонную трубку. Через несколько гудков в трубке прозвучал женский голос:

– Приёмная директора.

– Добрый день, будьте любезны, соедините меня с директором.

– А кто его спрашивает?

– Передайте ему, что с ним хочет переговорить Алек Рейн, я когда-то работал в отделе штамповки под его руководством.

– Подождите минутку.

В трубке возникла тишина, некоторое время доносилось какое-то потрескивание, потом прозвучал голос Павла Ивановича.

– Слушаю.

– Павел Иванович, это Алек Рейн, я у вас, когда вы были начальником отдела, старшим техником работал, в шестьдесят девятом – семидесятом.

– Не помню.

– Не суть, Павел Иванович. Я недавно начальником отдела стал (тут я приврал, для пользы дела), только назначили. По старой памяти обратился к Львовичу и Берлинеру, попросил помочь с планом – внеурочно спроектировать пару десятков штампов средней сложности по договору. Они готовы помочь, но в том случае, если вы дадите разрешение.

Маркин замолчал, видно, обдумывал, потом спросил:

– А вы откуда звоните?

– А я у вас, в ВПТИ тяжмаш, в отделе.

– Хорошо, передайте трубку Львовичу.

Сергей Никитович взял трубку: «Леонид Ильич смотрел; да ничего сложного; конечно, справимся; даже фэсы в конце года обещают; хорошо». Закончив разговор, он взял договоры, поставил визы на двух экземплярах, протянул мне:

– Иди в секретариат – пусть секретарша директорская печать шлёпнет – Пал Иваныч разрешил. Один экземпляр мне принесяшь, второй вам. В двадцатых числах ориентировочно закончим, но ты будь с Леонид Ильичом на созвоне. Всё, проваливай, не мешай трудиться, нам ещё свой план надо выполнять.

Возвращаясь в ПКТИТП, я чувствовал изрядный душевный подъём – всё у меня получилось. И Рыжова порадовал – увидев подписанный договор, он веселился как ребёнок, которому на праздник обещали новую игрушку.

В двадцатых числах Юра приволок скрученную в рулон кучу листов ватмана и в тот же день укатил на Сызраньсельхозмаш – решил попытаться сдать их, не заглядывая. Сдал почти все, за исключением четырёх-пяти штук, которые надо было немного доработать. Акимов, усмотрев в этом мою вину, вызвал Рыжова и устроил разборку в отделе. Особенно не понравился ему штамп, в котором из листа вырубалась деталь в виде изогнутых серповидных отрезков. Владимир Николаевич визжал:

– Это ваши большие специалисты напроектировали, кого вы нам подсунули, кто им позволил менять форму детали и техпроцесс?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.